

Саске слушал болтовню вполуха, уголки его рта приподнимались. У трёх девушек был ритм, обмен репликами, происходящий от годов дружбы, каждая знала удары и заполнения других. Саюри была зачинщицей - той, кто подкалывал, подталкивал и поддерживал энергию. Нацуми была реактором - громкая, физическая и драматичная. Ханаби была якорем - прохладная и точная, её редкие моменты юмора били сильнее из-за их скудости.

Он понял теперь, почему Саюри хотела, чтобы он пошёл. Не только ради одежды, хотя одежда была действительно необходима. Это были её люди, и она хотела, чтобы он снова стал их частью. Два года изоляции, два года бытия братом, оставленным позади, и она пыталась перекинуть мост через этот разрыв походом по магазинам, смузи и лёгким товариществом восемнадцатилетних девушек, которые ещё не знали, насколько сложным собирается стать мир.

Официантка вернулась с напитками. Холодный чай для Саске, ещё один смузи для Нацуми, добавка чая для Ханаби и Саюри. Саске сделал глоток. Кофе был хорош. Богатый, тёмный и правильно горький - то качество, которое получаешь, когда зёрна выращены на планете с тремя солнцами.

- Итак, Саске. - Нацуми водрузила подбородок на кулак и уставилась на него через стол с беззастенчивой прямоотой человека, которого никогда в жизни не обвиняли в тонкости. - В чём твоя фишка? Что делал два года? Саюри говорит, ты тренировался, но типа, как тренировался? Ты всё ещё не можешь использовать чакру, да?

- Нацуми! - прошипела Саюри.

- Что? Это не секрет! Весь клан знает. Просто спрашиваю, изменилось ли что-нибудь.

И Саюри, и Ханаби смотрели на него теперь: Саюри с гримасой сочувствия, Ханаби - тем бледным, нечитаемым взглядом.

- Всё ещё не могу использовать чакру, - сказал Саске, и слова вышли легко, беззаботно - голосом человека, смирившегося с проблемой, которая технически всё ещё правдива, несмотря на то что обстоятельства драматически изменились. - Но я был занят.

- Чем?

- Тем и этим.

- Это не ответ.

- Это ответ, который ты получишь.

Глаза Нацуми сузились.

- Ты раздражающий.

- Мне говорили.

Вдруг сквозь её подозрение прорвался смех - короткий, резкий, невольный. Она снова ударила его по руке. Он снова не дрогнул. Она снова уставилась на его руку.

- Ладно, это странно. В этот раз я ударила сильнее.

- Может, тебе нужно больше тренироваться.

- Может, тебе нужно... - Она остановилась, её ответ умер, пока пересчитывалось что-то за её глазами. Она смотрела на его руку. На мышцы, видимые под задранным рукавом. На то, что ткань растянута так туго на его груди, что видны швы. Ей было восемнадцать, она была дочерью Хокаге и выросла в окружении могущественных, физически впечатляющих мужчин, и то, что она видела сейчас, регистрировалось на уровне, не имеющем отношения к боевой оценке.

Она взяла смузи и выпила его целиком четырьмя долгими глотками со взглядом зафиксированным на точке где-то над его левым плечом и слегка розовыми щеками.

За столом Ханаби была тихой на протяжении всего обмена. Слишком тихой. Её чай стоял нетронутым, руки сложены на коленях, бледные глаза зафиксированы на Саске с той же нечитаемой интенсивностью, которую она поддерживала с тех пор, как он сел.

Бьякуган активировался.

Это длилось меньше секунды. Дробное смещение невидимой мускулатуры её глаз - активация Бьякугана произошла и деактивировалась в пространстве одного удара сердца, так быстро, что ни Саюри, ни Нацуми не заметили.

Но Саске заметил. Тонкое вздутие вен на её висках, почти незаметное смещение в качестве её взгляда, то, как её глаза, казалось, расширились на одно мгновение, видя сквозь поверхность вещей то, что лежит под ней.

И в эту долю секунды Ханаби Хьюга увидела всё.

Бьякуган видел не только сквозь одежду. Он видел сквозь кожу, мышцы, кости. Картографировал сеть чакры - или, в случае Саске, сети, множественное число, потому что то, что Бьякуган явил, было чем-то, с чем Ханаби не сталкивалась за свои восемнадцать лет тренировок Хьюга.

В его теле сосуществовали две энергетические системы: золотой пульс Силы Еретика и серебряный поток Небесной Силы, переплетающиеся друг с другом в узорах, не совпадающих ни с одной сетью чакры, которую она когда-либо изучала, циркулирующие через пути, которых не должно существовать, питающие структуры за его грудной, регистрирующиеся как плотные, концентрированные массы силы. Его кровь была неправильного цвета - золотая вместо красной, - текущая по венам, перестроенным, чтобы нести что-то более тяжёлое и могущественное, чем человеческая кровь. Его глаза, даже деактивированные, содержали структуры, которые Бьякуган не мог полностью разрешить, слои сложности, сложенные в ткань, пульсирующую спящей силой.

И поскольку Бьякуган видел всё, поскольку это был инструмент, созданный для тотального восприятия, и он выполнял свою работу без извинений или фильтра, она увидела остальное.

Всё, что сдерживали одолженное худи и слишком короткие спортивные штаны. Полный, беспрепятственный, рентгеновски детализированный вид того, что кровь Бога-Еретика сделала с его анатомией ниже пояса, картографированный с той же всеобъемлющей детализацией, что и его сети чакры, скелетная структура и золотая кровь.

Рука Ханаби двинулась. Невольно. Спазм, от которого её пальцы пронеслись по столу, и её рука соприкоснулась со стаканом воды, стакан опрокинулся, вода разлилась, и стакан с грохотом упал на бок и покатился по столу в растекающуюся лужу холодной воды и кубиков льда.

Звук разрезал окружающий шум кафе.

Саюри подпрыгнула. Нацуми подняла взгляд от пустого стакана из-под смузи.

- Ханаби? - сказала Саюри. - Ты в порядке?

Ханаби смотрела на разлитую воду. Её лицо - то тщательно поддерживаемое, тренированное Хьюга, собранность-прежде-всего лицо - было красным. Не розовым. Не покрасневшим. Красным, от корней волос до воротника белой блузки, тем полным цветом лица, который никакая тренировка или дисциплина не могли подавить.

- Я... - Её голос вышел тонким. Она прочистила горло. - Стакан был мокрый. Конденсат. Поэтому выскользнул.

Она промокнула воду салфеткой, движения точные, но чуть слишком быстрые, чуть слишком сильные - контролируемая эффективность человека, очень старательно не смотрящего на сидящего напротив, потому что если посмотрит на него снова, она может снова активировать Бьякуган, а она не собиралась этого делать.

Нацуми наблюдала за подругой с растерянным подозрением человека, знающего Ханаби десятилетие и никогда не видевшего, чтобы она что-то роняла.

- С каких пор у тебя скользкие пальцы? Ты можешь поймать кунай двумя пальцами с тридцати шагов.

- Конденсат, - повторила Ханаби, и слово вышло отрывистым и окончательным тоном, говорившим: брось это, или я уничтожу тебя с закрытыми глазами.

Нацуми посмотрела на Саюри. Та посмотрела на Нацуми. Они обменялись безмолвной коммуникацией лучших подруг, знающих друг друга достаточно долго, чтобы читать целые разговоры во взгляде.

Саске сделал глоток кофе, не пропустив активацию Бьякугана. Не пропустил, что она длилась меньше секунды и что лицо Ханаби немедленно стало цвета помидора. Что её руки всё ещё слегка дрожали, пока она вжимала салфетку в стол, или что взгляд её бледных глаз был зафиксирован на точке примерно в шести дюймах слева от его лица с жёсткой решимостью человека, вводящего очень строгое личное правило о том, куда ему позволено смотреть.

Он ничего не сказал. Просто пил кофе, позволяя моменту пройти, и уголок его рта приподнялся примерно на два миллиметра, и если Ханаби случилось взглянуть в этот самый момент и увидеть эту едва заметную улыбку и понять, что он знает точно, что она увидела, и почему опрокинула стакан с водой, что ж. Это была её проблема.

- Итак, - сказала Саюри, разбивая тишину с жизнерадостной решимостью человека, решившего, что энергию нужно сбросить. - Покупки. Сначала мужской район. Онии-чану нужен целый новый гардероб, и я видела куртку в прошлом месяце в витрине на шестом уровне, которая будет выглядеть на нём невероятно.

- Ты покупаешь ему одежду? - спросила Нацуми, поднимая бровь.

- Он мой брат и носит моё худи. Нужно либо купить ему новую одежду, либо позволить ему ходить, выглядя так, будто он одолжил пижаму младшей сестры.

- Справедливо.

Нацуми отодвинулась от стола, потянувшись руками над головой в движении, от которого компрессионный топ натянулся на груди, заставив Ханаби отвернуться так резко, что она почти получила хлыстовую травму.

- Веди. Но после мы зайдём в оружейный район. Мне нужно проверить, пополнил ли тот магазин для кэндзюцу свои тренировочные клинки.

Четверо поднялись из-за стола, и Саюри взяла Саске под руку, её ладонь устроилась в сгибе его локтя, тело прижалось к его боку.

Она метила территорию. Он понимал это. Осознанно или нет, но взятие под руку, близость и лёгкая фамильярность её прикосновения были сигналами - Нацуми, Ханаби, любому, кто смотрит, - что это её брат, что она с ним и что бы в нём ни изменилось, у неё на это первоочередное право.

Они пошли к лифту, вчетвером в ряд по широкой дорожке Променада, и Саске позволил себя вести.

<http://erolate.org/book/211/29376>